

УДК 1:2

DOI 10.17223/1998863X/29/2

К.А. Багаева, Э.Д. Чагдурова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Осуществляется попытка осмыслить процессы, происходящие в религиозной жизни современного россиянина. Высказывается предположение, что современная актуализация религии объясняется не только социально-экономическими и идеологическими причинами, но и особенностями российской ментальности. Авторы обращают внимание на потребность в реформировании этических устоев мировых религий с целью воспитания новой ментальности, отвечающей вызовам времени.

Ключевые слова: религия, номадическая культура, иерархическая культура, менталитет.

Современный этап в развитии культуры человечества характеризуется амбивалентным отношением к религиозной проблематике. В течение XIX–XX веков формировалась атеистическая культура, основанная на огромных успехах в научном познании и освоении природного и социального мира. Развитие науки вывело доминирование западной цивилизации, ее ценностей на качественно иной уровень, вследствие чего западный стиль мышления – рационалистический, позитивистский и прагматический – стал стилем научного мышления в мире. Завоевания западной цивилизации практически во всех областях социально-экономической жизни достигли высот реализации, что, казалось бы, лишь подтверждает правоту рационального мировоззрения. Однако именно сегодня возникает удивительная проблема, связанная с возрастанием религиозности современного человека. В чем же причина данного феномена?

На наш взгляд, все известные миру активно действующие религии родились в эпоху номадического мировидения, характеризующегося эгалитарностью, отсутствием сложных иерархических структур. Человек в этих культурах был склонен к самосозерцанию, интуитивному постижению мира, рефлексии и стремлению к самосовершенствованию. Культура здесь строилась на общинной самостоятельности, самоуправлении, способности к самоорганизации в сложные периоды ее истории. К данному типу можно отнести не только кочевые культуры, но и оседлые, обладающие отмеченными характеристиками.

Этому типу противостояло множество иерархических культур древности, в которых способность к самоорганизации подавлялась жестким управленческим аппаратом, контролировавшим все стороны жизни человека. Этот этап в истории вполне можно обозначить как «детство человечества». Действительно, в детстве мы не распоряжаемся своей жизнью, полностью находимся в зависимости от взрослых, решающих не только наши повседневные проблемы, но и всю перспективу нашей будущей жизни. Подобное положение вещей вполне соответствовало ментальным установкам великих цивилизаций прошлого, где роль взрослого по отношению к рядовому члену социума (ре-

бенку) исполнял сакрализованный правитель, облеченный всей полнотой светской и религиозной власти.

На наш взгляд, истоки проблемы нарастания религиозности на рубеже веков и в настоящее время, а также ее специфические черты нужно искать в истории как далекого, так и недавнего прошлого. Диалог номадических и иерархических культур продолжался в течение всей истории человечества. Католический ренессанс, история ислама, рождение протестантизма – всё это вехи данного диалога.

Человечество в XX веке пережило сокрушительные мировые войны, революции, национально-освободительные движения, разрушившие колониальную систему, вышло в космос, столкнулось с глобальными проблемами, совершило колоссальные научные открытия, однако так и не смогло достичь взаимопонимания, благосостояния и мира. Начало третьего тысячелетия отмечено новыми военными действиями, экономическим и социальным кризисом, охватившим уже не просто отдельные страны и регионы, но весь мир. Волнообразная динамика социально-экономического развития доказывает неизбежность подобных кризисов и такую же неизбежность выхода из них. Однако именно в подобные кризисные, переломные моменты, что подтверждает вся история человечества, повышается религиозность масс. Неспособность человека решить насущные проблемы, обезопасить собственную жизнь и жизни своих детей заставляет его искать поддержки и спасения в трансцендентальных смыслах и ценностях.

Поэтому проблемы, существующие сегодня в России, оказываются общечеловеческими, но вместе с тем носят специфический характер, что особенно ярко проявилось в последние годы.

После распада Советского Союза прошло уже более двадцати лет. Уничтожение СССР сопровождалось не только отказом от социалистической идеологии, демонтажом партийной системы, но и развалом социалистической экономики. Передел собственности привел к появлению олигархических и политических элит, к расколу общества на полярные по уровню благосостояния части. Под лозунгами осуществления модернизации внедряются западные модели государственного устройства, либеральных институтов, методов хозяйствования.

Но российская ментальность оказалась не готова к подобной модернизации. Она остается близка сознанию доиндустриального общества, что демонстрировали превалировавшие еще в конце XX века ценности коллективизма и общинности. Советская власть в течение 70 лет подспудно культивировала их архаический характер. В то же время ей удавалось грамотно соединить два способа организации: общинное (номадическое) движение снизу и иерархическое управление сверху. Именно этим синтезом можно объяснить небывалый успех индустриализации, электрификации страны, невозможные без трудового энтузиазма, оптимистической уверенности народа в победе, без тех социальных лифтов, которые способствовали выдвижению из масс народа наиболее талантливых, креативно мыслящих, обладающих ярким лидерским потенциалом людей в высшие эшелоны власти.

Этот синтез оказался уничтожен вместе с советской государственностью. Можно сказать, что вместе с водой коммунистической идеологии был вы-

плеснут и ребенок (сама суть советского строя). Наша либеральная элита взяла самые реакционные и нежизнеспособные компоненты управления, базирующиеся на глубинных этнокультурных, ментальных основаниях. К ним можно отнести упование на власть, русское «авось» – надежду на то, что как-нибудь само собой все уладится и утрясется, – коллективизм и конформизм, присущие в массе своей российскому социуму. Данные особенности российской ментальности были отмечены еще П.Я. Чаадаевым в его «Первом философическом письме», о них же писали Н.Я. Данилевский и Н.А. Бердяев, Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский. Воспитаны они были долгой историей зависимости, крепостничества, всевластия власти, ее своеволия и жестокости по отношению к индивидууму.

В постперестроечных условиях человек оказался без поддержки государства, власть его бросила, отвернулась от него, предложив лишь обогащаться, как призвал Б.Н. Ельцин: «кто как может и как хочет». В 1990-е гг. произошло катастрофическое падение нравственности, авторитета закона, обесценивание прежних идеалов в результате погони за материальным успехом всеми правдами и неправдами, за счет друзей, родных, самых близких людей. Формирование среднего класса в России осуществлялось за счет расхищения национального достояния, криминализации и коррупции власти, бандитского беспредела. Но в то же время средний класс пополнился той частью общества, которая смогла проявить предпринимательскую активность, креативность мышления и способность взять на себя ответственность за жизнь и благополучие свои и своих близких. Те же, кто продолжал надеяться на государство, на то, что все утрясется как-нибудь само собой, остались в заложниках сложившейся системы, теряя права, веру в справедливость, во власть, превращаясь в безмолвную и безответную массу.

Потеряв опору в государстве, общество актуализировало идею Бога, возродило потребность в вере. Русская православная церковь, буддийская сангха, исламские общины активно взялись заполнять образовавшийся идеологический вакуум. Из-за рубежа началось проникновение различных миссионерских движений. На этой волне появилось огромное количество деструктивных сект, обогащавшихся за счет своих адептов, новых религиозных организаций, среди которых большое место заняли протестантские. Если те секты и религиозные организации, которые были определены как деструктивные, подверглись официальному преследованию и искоренению, то протестантские церкви уверенно внедрились в новое культурное пространство и приобрели довольно большое количество своих приверженцев. В чем причина их относительной успешности?

На наш взгляд, объяснение, данное М. Вебером в его знаменитом труде, не раскрывает подлинную суть проблемы. Дело скорее всего в том, что nomadic religions, на стадии своего возникновения обращаясь к традиционным ценностям, обладали огромным потенциалом к самоорганизации. Они образовывались как общины, которые противостояли официальной идеологии, выдерживали притеснения, гонения и побеждали. С ходом истории все религии перерастают nomadic stage и превращаются в иерархически организованные структуры, церкви. В этом виде они теряют актуальность в изменившихся условиях. Протестантизм – религия, родившаяся в условиях

формирования буржуазного общества в Европе, по сути своей является возвращением к семейно-общинной самоорганизации. Отказываясь от церковной иерархии, он призывает к трудовой активности, бережливости, инициативности, честному ведению бизнеса, ответственности. Действуя в привлечении новых адептов, как секта, протестантские церкви приобщают людей к буржуазным ценностям. Именно этим и был, по-видимому, обусловлен успех протестантских церквей в Юго-Восточной Азии, в Южной Америке и в Африке. Этим же объясняется их успех и в России.

Ситуация в Бурятии характеризуется наличием и достаточно мирным сосуществованием традиционных верований – православия, буддизма, шаманизма. В умах жителей нашей республики, оставшихся верными традиционным церквям, в постсоветский период сформировался религиозный синкретизм, своеобразная каша из обрывков различных учений. Очень мало среди них истинно верующих, понимающих суть учения, соблюдающих предписания, работающих над собой внутренне, идущих по пути духовного самосовершенствования. В основном ими осуществляется лишь внешнее соблюдение религиозных обрядов и ритуалов без понимания и стремления к пониманию их глубинной сути. Это касается и православия, и буддизма, и шаманизма. В среде верующих мирно уживаются представления о Боге, аде и рае, карме и реинкарнации, духах природных и привидениях, возможности избежать неприятностей с помощью подношений, пищей и напитками привлечь благосклонность духов и т.д. Показательной, на наш взгляд, является позиция 78-летней жительницы с. Алтачей (Бичурский район Республики Бурятия), которая, принадлежа старообрядческой православной церкви, совершая ежедневные молитвы и читая Библию, по утрам осуществляет ритуал «брызгания» молоком местным богам и духам-покровителям, а когда предоставляется возможность, посещает буддийских лам [1. С.100]. Кстати, подобной картине мира немало способствуют СМИ, создавая массу программ, посвященных оккультизму, мистике и магии.

В протестантском мире такого смешения, такого хаоса нет и быть не может, так как здесь осуществляется непосредственное обучение адептов, внедрение в их личную жизнь на уровне внутрисемейных отношений основных постулатов учения, контроль над их мыслями, высказываниями и поведением со стороны других таких же адептов. Что интересно, многие из них становятся успешными в своей профессиональной деятельности в силу воспитания в себе трудолюбия, исполнительности, ответственности за свое дело. Протестантские ценности формируют людей для бизнеса.

И здесь необходимо отметить тот факт, что протестантизм формирует типично западные ценности через учение о предопределенности к спасению и осуждению. Именно через это положение формируется представление о том, что удача в бизнесе является признаком спасения и промыслом Божиим. Таким образом, капитализм получает полное религиозное оправдание, нравственным становится все, что выгодно. Труд рассматривается здесь как обязанность перед Богом, но речь при этом идет в основном о труде физическом, а не духовном [2. С. 31., 247].

Иначе дело обстоит в православии. Как отмечал С. Булгаков, «труд в духовном контексте православия представал как подвиг самоотверженного

служения, как проявление смирения и деятельной силы» [3. С. 85]. В буддистском учении о восьмеричном пути спасения пятым из путей является необходимость сосредоточенно трудиться, зарабатывая на жизнь честно. И также важно правильно понимать благородные истины, принимать решения, вести себя, говорить, мыслить, сосредоточиваться, прилагать усилия. Здесь прежде всего упор делается на духовное совершенствование человека, что не умаляет его ответственности за социальную и профессиональную деятельность [4]. Традиционные религии открывают верующим перспективу вечности, которая «придает человеческой деятельности высший смысл и большую ответственность» [5. С. 277]. Труд для последователей этих учений не становится самоцелью, а является лишь необходимостью и частью главного труда – духовного.

Для протестанта главным в жизни является «делание денег», что превращает прибыль в самоцель. [6. С. 24–25; 2. С. 75]. В результате современный капиталистический мир, являющийся детищем протестантской этики, с точки зрения М. Вебера, получил проблему перепроизводства товаров, перекосов потребительской психологии, вещизма. Традиционные же религии учат тому, что любая материальная деятельность является неизбежной необходимостью на пути духовного роста [7. С. 21–22].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что трудовая деятельность в культурной традиции России всегда воспринималась как служба обществу, как реализация трансцендентальных ценностей, как духовное самосовершенствование. Это отношение было характерно как для кочевнического, так и для иерархического этапов в истории русского православия, ислама и буддизма.

В этом плане представляется весьма актуальной инициатива, изложенная советником президента Республики Татарстан Р. Хакимовым, относительно перспектив ислама в современном мире. Он пишет: «Таклид (авторитет и традиция) консервирует мышление, а мазхабы (жесткое следование таклиду) консервируют общественные отношения на уровне Средневековья, и только иджтихад (самостоятельное мышление для обновления) позволяет выйти на дорогу прогресса» [8. С. 157]. Р. Хакимов убежден в том, что умение и желание вступать в успешную конкуренцию в современном мире необходимо сочетать с грамотно обновляющейся религиозной традицией, сохраняющей высокие моральные ценности, без которых невозможно поступательное движение. Именно способность к самостоятельности мышления и готовность к обновлению в ситуации современного диалога Востока и Запада способствуют формированию либерального мышления [9. С. 52]. На наш взгляд, русская православная церковь и буддистская сангха России также могут осуществить подобные шаги в сторону синергетической самоорганизации религиозного воспитания, учитывая положительные стороны общинной самостоятельности и грамотно осуществляемого иерархического управления.

Литература

1. Чагдурова Э.Д. Феномен обыденного религиозного синкретизма в сознании современных жителей Бурятии // Православие: миссионерство и дипломатия в Сибири: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (14–15 января 2010 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2010. 524 с. С. 98–101.

2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 809 с.
3. Феофан. Богоугодная жизнь вообще. Слова епископа Феофана / Феофан архимандрит. Л.: Афон, 1991. 111 с.
4. Ермакова Т.В., Островская Е.П. Классический буддизм. СПб.: Издательский дом: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2004. 324 с.
5. Катехизис. Киев: Изд. Укр. православной церкви, 1991. 529 с.
6. Шаповалов Ф. Откуда придет дух капитализма? // СоцИс. 1994. № 2.
7. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям Тихона Задонского. М.: Самшит-Издат, 2003. 1206 с.
8. Хакимов Р. Вызовы времени и модернизация ислама // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения: Сборник статей / под общ. ред. С.Н. Градиловского. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2003. 310 с.
9. Градиловский С.Н. Российский исламский реформизм: развивающиеся идейные конфликты // Вестник института Кеннана в России. М.: РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2004. Вып. 6. 136 с.

Bagaeva Kseniya A. Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation).

E-mail: ksyusha.81@mail.ru DOI 10.17223/1998863X/29/2

Chagdurova Erzena D. Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation).

Email: chagd60@mail.ru DOI 10.17223/1998863X/29/2

SOCIOCULTURAL TRANSFORMATION AND RELIGIOSITY OF RUSSIAN SOCIETY

Keywords: religion, the nomadic culture, hierarchical culture, the mentality.

This article analyzes the processes taking place in the religious life of modern Russia. Observed at the turn of the century outbreak of religiosity is due not only socio-economic and ideological reasons, but also the features of the Russian mentality, in which the formation of the important role played by religion. Actualization of faith in modern conditions is not of a nature of the understanding and execution of religious commandments, and shall be in an empty ritualization. Most often observed phenomenon of religious syncretism, chaotic connections of some aspects of different religions. From the point of view of the authors of this is due to the loss of the original synthesis of nomadic and hierarchical worldview, which is the most promising for the successful development of the society. Nomadic culture is more capable of self-independence community to nominate leaders of the masses. Hierarchical culture is characterized by centralization of authority, strict control and management. Adequate synthesis of these types of culture promotes the viability of the social organism, the development of successful economies, forming the leadership potential of man. The success of socialist construction in the USSR authors see in the intuitive achieve this synthesis, which was destroyed in the post-Soviet period. Analyzing the features of the Russian mentality, the authors draw attention to the accentuation of the traditional religions of spiritual labor, moral self-improvement, rather than labor, aimed at achieving material prosperity. Protestantism, which is actively exploring new territory and acquires followers in Russia, Buryatia, unlike Orthodoxy, Islam, Buddhism, and updates the leadership potential in their followers, directing their efforts to solve financial problems, to improve the quality of their lives here and now. Noting arose among Muslim philosophers of dialogue about the need for *ijtihad*, the authors talk about the need to reform the ethical foundations of world religions in order to create a new mentality, a more appropriate challenges.

References

1. Chagdurova E.D. [Everyday phenomenon of religious syncretism in the minds of the inhabitants of Buryatia]. *Pravoslavie: missiонерство i diplomatiya v Sibiri: materialy Vseros. nauch-prakt. konf. (14–15 yanvarya 2010 g.)* [Christianity: Missions and diplomacy in Siberia. Proc. of the Scientific-Practical Conference (January 14–15, 2010)]. Ulan-Ude: Buryatia State University Publ., 2010, pp. 98–101. (In Russian).
2. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress Publ., 1990. 809 p.
3. Theophane. *Bogougodnaya zhizn' vobshche. Slova episkopa Feofana* [Godly life in general. According to Bishop Theophan]. Leningrad: Afon Publ., 1991. 111 p.

4. Ermakova T.V., Ostrovskaya E.P. *Klassicheskiy buddizm* [Classic Buddhism]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2004. 324 p.
5. *Katekhizis* [The Catechism]. Kiev: Ukrainian Orthodox Church Publ., 1991. 529 p.
6. Shapovalov F. Otkuda pridet dukh kapitalizma? [How come the Spirit of Capitalism?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1994, no. 2.
7. Schema-archimandrite Ioann (Maslov). *Simfoniya po tvoreniyam Tikhona Zadonskogo* [The symphony after Tikhon of Zadonsk]. Moscow: Samshit-Izdat Publ., 2003. 1206 p.
8. Khakimov R. *Vyzovy vremeni i modernizatsiya islama* [Challenges of time and modernization of Islam]. In: Gradirovskiy S.N. (ed.) *Preodolevaya gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya* [Overcoming Church-State Relations]. N. Novgorod: Volgo-Vyatsk Academy of State Service Publ., 2003. 310 p.
9. Gradirovskiy S.N. Rossiyskiy islamskiy reformizm: razvivayushchiesya ideynye konflikty [The Russian Islamic reformism: developing ideological conflicts]. *Vestnik instituta Kennana v Rossii*, 2004, iss. 6, 136 p.